

Наверно, что-то отнято у тебя, и попранной вольности голос
 все звучит и звучит яростно, не слабея,
 Твое сердце, как большое сердце планеты, закованное бьется,
 ярясь в твоих бурунах,
 И широкий разбег, и срыв, и нехватает дыханья,
 И размеренный шелест волн по пескам — шипенье змеи,
 И дикие взрывы хохота — далекое рыканье льва
 (Ты грохочешь, взывая к неба немой глухоте, — но теперь
 наконец-то, доверчиво изливаешь
 Обиды свои, наконец-то, другу в призрачной ночной тишине).
 Последняя и первая исповедь планеты,
 Возникающая, рвущаяся из глубин твоей души!
 Эту повесть об извечной, всеобъемлющей страсти
 Ты родной поверяешь душе!

Гордая музыка бури (1868)

(Из поэмы)

Гордая музыка бури,
 Шторм, что, завывая, мчится по просторам прерий,
 Глухой шум верхушек деревьев — ветер в горах,
 Смутно встающие образы — вы, незримые оркестры,
 Вы, призрачные голоса говорливых инструментов,
 Вкладывающие в ритмы природы языки всех народов земли:
 Вы, мощные аккорды, достойные великих творцов, — вы, хоры,
 Вы, зыбкие, неистовые священные пляски — оттуда с Востока,
 Ты, приглушенный рокот реки, рев низвергающихся водопадов,
 Вы, далекие звуки канонады и топот коней на галопе,
 И эхо лагерей, перекличка сигнальных рожков —
 Вы, что теснитесь в полуночной тьме одинокой спальни,
 Где лежу я без сил и без сна. —
 Почему вы неотступно звучите в моих ушах?

Перевод с английского
Ивана Кашкина

(ИЗ СТАТЬИ «ПОЭЗИЯ В СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКЕ — ШЕКСПИР — БУДУЩЕЕ», 1881 г.)

Как это ни удивительно, высшим мерилom народа является его поэзия. Наличие ее или отсутствие — то и другое одинаково знаменательно. Это — единственное мерило *sine qua pop**, так же как цветков розы или лилии, распускающийся на стебле, как спелый плод — яблоко или персик — для дерева (будь у него хоть самый стройный ствол и самая пышная крона). Ни одну страну, включая и Американскую республику, нельзя назвать подлинно великой страной, пока в ней не распустились цветы первоклассной, самобытной поэзии. Никакие подделки их не заменят.

И хотя не существует, повидимому, общего представления о том, какие эстетические критерии соответствуют современному состоянию и намечающимся путям Нового Света, хотя нет еще и общей потребности

* Необходимое (лат.).

сти в таких критериях, а может быть, никто о них и не задумывается, — я убежден, что до тех пор, пока у нашей страны не будет собственных, неоспоримых мастеров в области высокого искусства, до тех пор она, при всех своих замечательных достижениях политического, географического, экономического и даже интеллектуального порядка, будет представлять собой все более развитое и работоспособное тело (пусть даже мозг), почти или вовсе лишенное души. Как ни прикрашивать печальную истину, как ни маскировать ее убедительными на первый взгляд словами, опровержениями, объяснениями, пронизательный взор неизбежно увидит эту пустоту, этот зияющий пробел. Ибо сокровенный смысл и цель наших Штатов — не только создание новой политической системы и обеспечение миллионов материальными благами, но, что важнее, создание новой демократической социологии и художественной литературы на уровне новой науки и нового времени. Если последнее не осуществится в Соединенных Штатах — а только это и может спаять их воедино, — то и от первого будет мало проку.

* * *

Самые серьезные пороки наших поэтов — это духовная робость, отсутствие чувства реальности и подлинного патриотизма, а также своеобразное эстетическое заболевание, которое один мой знакомый, большой чужак, называет «манией красоты». «Неумеренное увлечение красотой и искусством, — говорит Шарль Бодлер, — доводит людей до чудовищных эксцессов. У человека, одержимого жадностью к прекрасному, атрофируется чувство истины и справедливости. Это нездоровая страсть, эстетический недуг, разъедающий нравственные устои, подобно раку».

Разумеется, наши многочисленные стихотворцы тоже делают полезное дело — в своем роде. За примерами недалеко ходить. Повсюду, где собираются светские люди, найдутся не лишённые способностей, сговорчивые человечки («общество» просто не могло бы обойтись без них), вполне пригодные для выполнения определенных обязанностей — сварить глинтвейн, починить сломанные очки, решить, подавать ли на стол сначала херес, а потом тушеных угрей или сначала тушеных угрей, а потом херес, устроить в гостиной у миссис А. Б. живые картины, в которых будут монах, еврей, влюбленный, Пэк, Просперо, Калибан и прочий необходимый ассортимент, — словом, приспособлять и отдавать свои скромные таланты на службу ближнему. Но в дни подлинных кризисов, великих бедствий и великих порывов — физических или духовных — такие люди совершенно бесполезны.

В общепринятом понятии поэт — некая одалиска мужского пола. Он поет или разыгрывает на рояле какие-то изысканные пьесы, делится чужими воспоминаниями или до позднего часа развлекает людей в комнатах, пропитанных запахом модных духов. Я не помню, чтобы за последние десять лет в печати хоть раз появились простые, здоровые, вселяющие бодрость стихи. Не так давно в новых номерах трех ежемесячных журналов были напечатаны стихи наших ведущих поэтов, и во всех этих стихах главная тема (трактованная вполне серьезно) — это горькая участь приятной молодой женщины, которой достался в мужья не богач, а бедняк!

* * *

Областью поэзии всегда будет не внешний мир, но внутренний; не макрокосм, а микрокосм; не Природа, а Человек. Я еще не говорил о том, как необходимо, чтобы у нас появилось племя великих бардов, которые

могли бы высоко поднять перед всей страной вечные, оздоравливающие образцы, бесстрашно выйти на бой с алчностью, несправедливостью, неистребимым коварством и тиранией во всех ее видах (по-моему, в стране, которая в других отношениях уже достигла определенного развития, это и есть назначение первоклассных поэтов); в свое время и в других условиях это делали и древнееврейские псалмопевцы, и римлянин Ювенал, и, уж конечно, певцы древней Индии и британские друиды). Долг подлинно великого поэта — противодействовать страшной угрозе, уже нависшей над Америкой; угроза эта — сплошная продажность в политике, наша хваленая религия — на самом деле маска извозка и кружев, — а в целом — самое вредное, отвратительное, что может появиться на земле: огромное, разнородное общество, разжиревшее от изобилия денег, товаров, деловых авантюр, развитое и в чисто интеллектуальном отношении, но совершенно лишенное здоровой моральной и эстетической основы, которая важнее всех на свете денег и интеллектуальных ценностей.

Неужели это только моя мечта, что в будущем у нас возникнет на западе, юге, востоке, севере могучее, спокойное племя таких поэтов, разных, но единых в душе, — не только самых совершенных поэтов, но и новых, великих пророков, более великих, чем в Иудее, и более страстных, которые выйдут на бой с этим злом и пронзят его, как луч света пронзает мрак?

(ИЗ ЗАМЕТОК ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ)

Должен признаться, что хотя я глубоко почитаю Человечество, Народ, но когда я писал свои *Листья травы*, я меньше всего думал о «публике» — во всяком случае, в ее нынешнем образе. Такое утверждение может показаться странным в устах демократа, но я убежден, что ни одна поэма, свободная, самобытная, крылатая или хотя бы притягивающая на эти достоинства, не может быть создана писателем, который прежде всего думает о публике или спрашивает себя, как отнесется к его творению признанная литература, сегодняшние авторитеты.

Если я и искал образца, то этим образцом служили мне не ухоженные цветники, а Природа. Я знаю, что в известном смысле цветник — тоже Природа, но приходилось выбирать — дать то и другое я не мог. Кроме того, цветников в поэзии предостаточно, Природы же (я имею в виду и букву ее и дух, ее божественную сущность) — очень мало, а вернее, и вовсе нет.

Хоть я и далеко не достиг своей цели, но безусловно стремился к самому высокому, самому лучшему, и порой мне кажется, что стремление это (при всей его дерзости) — самое ценное, что есть в моих книгах. Я не заботился о том, чтобы угождать эстетическим или интеллектуальным вкусам, но вот если бы удалось пробудить способность к самопроявлению, которая дремлет в каждой душе! Если бы только сладить с этим рычагом!

Из физического и конкретного — только из них и в них — рождается духовное и героическое.

Вероятно, я забыл сказать о многом из того, что относится к этому очерку, — возможно, очень нужные, важные вещи. Но все вместе взятое — стихи, предисловие и прочее — это лишь крошечное отверстие в театральном занавесе, «глазок», через который актеры смотрят в зрительный зал, это всего один взгляд, короткий, живой и честный.